

ДЕЙСТВИЕ повести В. Быкова «Знак беды» в настоящем времени разворачивается преимущественно на хуторе Яхимовщина и лишь в отдельных случаях за его пределами — в деревне Выселки, куда оно чуть почаше переносится автором в ретроспекции произведения. Однако и взятые вкупе, Яхимовщина и Выселки — весьма малый географический плацдарм. Масштабность для Быкова — это не размах сражения, не количество войск, в нем участвующих, а сила и крепость человеческого духа.

Локальность события, сравнительно узкое поле действия, небольшое число действующих лиц — характерные особенности творческой манеры Быкова. С этим мы встречались в его повестях «Третья ракета», «Сотники», «Дожить до рассвета», «Его батальон»... С этим встречаемся и в «Знаке беды».

утверждения борьбы против гитлеровских оккупантов.

Не раз приходилось слышать такую характеристику музыки Быкова: музыка гнева и печали. Но это верно лишь отчасти, точнее называть ее: музыка ненависти и борьбы. Ненавистью, яркой ненавистью, святой нашей ненавистью к врагу дышат первые же строки рассказа о том, как на хуторе появляются гитлеровцы и их прислужники — полицы из своих же односельчан — Гуж, Колонде-нок, Недосека, как они

Василь Быков.
«Знак беды». Повесть.
Перевод с белорусского автора. Журнал
«Дружба народов»,
№№ 3-4, 1983.

ХАРАКТЕРА НАРОДНОГО ЧЕРТЫ

Относительно небольшое число героев позволяет автору постоянно держать их в движении, чаще всего — в психологическом, а это, как известно, лучший способ создания характера. Я не помню случая, когда бы тот или иной быковский персонаж появился на сцене случайно — появление его всегда вызвано художественной необходимостью.

В «Знаке беды» около полутора десятков персонажей, и у каждого своя роль, пусть у иных и небольшая, но необходимая для раскрытия целого.

Двух героев неотступно держит автор на переднем плане, две человеческие судьбы исследуются им с той доскопальной пристальностью и обстоятельностью, когда, кажется, не остается не выявленным ни один закуток их души, ни одна черточка характера. Соответствуют этому и способы изображения: внутренний монолог действующего лица, несобственно-прямая авторская речь.

Главные герои повести — Степанида и Петро, муж и жена, а прошлым батраки в поместье обедневшего ко времени Октябрьской революции пана Яхимовского, после революции — самостоятельные хозяева с двухдесятинным наделом бывшей панской земли, правда, такого неподатливого, так изматывающего человека суглинка, что люди прозвали его Голгофой. Петро даже воздвиг на Голгофе крест, который простоял там до времени активной борьбы сельской комсомолки с религией. Петро и Степанида стали первыми колхозниками.

К ретроспективной части повести, как она вписывается в судьбы героев, раскрываемые в настоящем времени, я еще вернусь, сейчас же продолжу разговор о жизни Петра и Степаниды под немецким ярмом. Нет смысла пытаться пересказать эту жизнь: ее надо читать такой, какой она написана автором со всей силой ненависти советского человека к фашизму, со всей страстью

ведут себя. И в прежних своих произведениях Быков ставил полицаяв на одну доску с их хозяевами, на одну доску поставил их и в «Знаке беды». Но в новой повести он в этом плане идет дальше, чем прежде: проводит более глубокий социально-нравственный анализ предательства, природы полицейского прислужничества.

Неимоверно жестоким испытаниям подвергла оккупационная жизнь Степаниду и Петро. Они преодолевали их сколько могли, преодолевали каждый по-своему, но оба погибли. Погиб и еще один герой — глухонемой мальчик-сирота Янка. На мой взгляд, его гибель — это в повести самое сильное и самое гневное обвинение фашизму. Погибли не только хозяева хутора, исчезла с лица земли и сама Яхимовщина, оставив после себя груды кирпича, искалеченное дерево — горький знак большой человеческой беды. Но что же — полная беспросветность? Подтверждение точки зрения тех, кто определяет быковский талант как трагический?

Нет. Разве можно не обратить внимание в поэтическом прологе повести на такую художественную деталь: среди глени бывшей хуторской усадьбы растет «тоненькая молодая рябинка, недавно выбросившая на свет считанные листочки», она «в дерзкой своей беззащитности казалась гостьей из иного мира, воплощением надежды и другой, неведомой жизни» (выделено мной. — И. К.). Деталь эта надлежащим образом резонирует в идейно-художественной логике произведения. Быков был и есть писатель героического начала в жизни, оптимистического взгляда на действительность Великой Отечественной, постигающий войну в ее трагической глубине.

Тут я подхожу к тому, что считаю в «Знаке беды» наиболее значительным в плане идейном, а в плане художественном — наиболее ярко написанным. Речь идет о пафосе сопротивления врагу Степаниды и Петра.

Они сопротивляются по-разному.

Петрок сопротивляется пассивно — пытается убажить полицаяв и гитлеровских солдат: как-нибудь откупиться, чтобы дожить до лучших дней. По сути, это покорность обстоятельствам, приспособление к ним. На многих простых случаях горькой и жестокой повседневности автор раскрывает иллюзорность такого взгляда и обреченность вытекающей из него тактики поведения.

По-иному ведет себя Степанида. В литературе о Великой Отечественной войне ее следует причислить к лучшим образам советской женщины-патриотки. Поначалу, в тех эпизодах, где она вместе с Петром старается уберечь от полицаяв и немцев свою живность и немудрящие семейные пожитки, Степанида может показаться характером заурядным. Родина в огромной беде, а она думает не о партизанской борьбе, а о ко-

рове, поросенке и курах... Но не спешите с таким выводом. Все придет в свое время, и суть в том, что ради этой естественной материальной заботы она не поступает совостью советского человека.

Степанида — героиня активной жизненной позиции. Действия ее порой на пределе человеческих возможностей. Герои такого нравственного склада всегда были симпатичны Быкову. Выявлять в них мощный идейно-нравственный потенциал, заложенный в наших людях коммунистической идеологией, советским образом жизни, — та художественная сверхзадача, которую писатель решает с истинным вдохновением.

Степанида — героиня мыслящая, мысль ее — о жизни, о предназначении человека на земле, о добре и зле:

«На счастье или на беду, она знала, в чем ее хватит с избытком, от чего она не отречется хотя бы на краю гибели. За свою трудную жизнь она все-таки познала правду и по крохам обрела свое человеческое достоинство. А тот, кто однажды почувствовал себя человеком, уже не станет скотом. Многие в жизни, особенно беды и горе, убедило ее в том, что с людьми надобно жить по-доброму, если хочешь, чтобы и к тебе относились по-людски. Наверное, человек так устроен, что отвечает добром на добро и вряд ли может ответить добром на зло. Зло не может породить ничего, кроме зла, на другое оно не способно. Но беда в том, что человеческая доброта перед злом бессильна, зло считается лишь с силой и страшится лишь наказания. Только неотвратимость расплаты может усмирить его хищный нрав, заставить задуматься. Не будь этого, на земле воцарится хаос вроде того, о котором говорится в Библии».

Умно, глубоко мыслит героиня. Но не можешь, однако, не задавать себе вопрос: не слишком ли это сложно для нее, простой крестьянки, прошедшей лишь школу сельского ликбеа? Не совершится ли в наших случаях (чуточку и в только что процитированном отрывке) нечто вроде переключения мысли героини на мышление самого автора?..

Героическое сопротивление врагам Степанида, героически и погибает, утверждая своей смертью непобедимость святого и правого дела народа. Степанида — истинно народный характер. Лучшие свои мысли о героической душе народа автор высказал через этот образ.

Как уже отмечалось, в повести «Знак беды» много места отведено ретроспекции, пожалуй, ни в одном из прежних произведений Быкова прошлое в жизни героев не исследовалось на столь большом отрезке времени.

Автор исходит здесь из того, что настоящий человек вырастает не в праздности, а в труде, в преодолении жизненных невзгод, не в эгоизме и себялюбии, а в сострадании к другим, в участии к людской беде. Этим принципом определяется и авторский отбор жизненного материала, из которого ткется судьба героя, определяется аспект его движения по жизни.

Я никогда не был сторонником мнения, что с некоторых пор Быков в своем творчестве движется по кругу: одна тема, одни герои, схожие ситуации. Такое мнение могло возникнуть вследствие поверхностного суждения о его книгах, когда многообразие разрабатываемых писателем проблем военной действительности объединяется одним, общим, весьма условным — «военная тема», а идейное родство героев распространяется на родство художественное, нивелируется их индивидуальность и т. п.

Не ставя целью полемику со столь несправедливым мнением о творчестве этого самобытного писателя, я лишь кратко отметил в рецензии то, в чем он в «Знаке беды» больше себя вчерашнего.

«Знак беды» — повесть о войне и о более далеком прошлом. Из прошлого мы берем непреходящие нравственные ценности, тот огонь, что способен воспламенить сердца современников. Такова героиня повести — простая белорусская колхозница, совершившая свой великий подвиг.

И. КОЗЛОВ